

Глава 7. Лоу Чэн, отпусти меня

—

Столкнувшись с подколами Лоу Чэна, Дин Сюэжунь остался невозмутим. Он лишь холодно взглянул на него и бросил:

— Смелый такой? Может, учебой померимся?

Лоу Чэн расхохотался — это был смех человека, смотрящего на идиота:

— Да в чем нам с тобой мериться? Мы с тобой два сапога пара, маленький неуч.

С этими словами он выудил из миски несколько ярко-красных ягод почти одинакового размера, выстроил их в ряд на столе и, прикинув на глаз, выдал:

— Сяо Дин, твой гэ в три раза толще вот этого. Видал такое?

Дин Сюэжунь снял очки и без них не слишком отчетливо видел, насколько велики ягоды в руках соседа, но у него не было ни малейшего желания спорить с Лоу Чэном по таким дебильным вопросам.

Видя, что на него не обращают внимания, Лоу Чэн не заскучал. Напротив, его любопытство только разгорелось: он уставился на пояс штанов Дин Сюэжуна, вознамерившись во что бы то ни стало вывести того на чистую воду.

Клубника немного постояла в воде. Лоу Чэн с энтузиазмом слил воду, одной рукой легко подхватил стул, приставил его к своему столу и позвал Дин Сюэжуна есть.

Однако сам Лоу Чэн съел всего пару штук и замер. Похоже, он не особо жаловал подобные лакомства. Он пододвинул стеклянную миску поближе к Дин Сюэжуню:

— Ешь давай, не пропадать же добру.

Дин Сюэжунь изначально помыл немного, рассчитывая съесть всего две-три штуки, но раз Лоу Чэн ел так мало, ему пришлось взять на себя миссию по уничтожению остатков. Зимняя клубника в этом сезоне была крупной, красной и очень сладкой на вкус.

Его губы окрасились клубничным соком. Лоу Чэн мазнул взглядом по его рту и подумал: «У Сяо Дина и глаза красивые, и губы какие-то странно привлекательные». Он не знал, что такая форма губ называется «линьчунь» (в форме плода водяного ореха), просто видел, что это красиво.

Он поймал себя на мысли: будь Сяо Дин отличником, его внешности хватило бы с лихвой, чтобы компенсировать недостаток роста. По крайней мере, дефицита женского внимания он бы точно не испытывал.

Впрочем, Лоу Чэн считал Дин Сюэжуна коротышкой только в сравнении с собой. Если брать средний рост парней в школе, тот вполне вписывался в норму.

Но Сяо Дин был не просто не отличником — он был настоящим маленьким бездельником! С тех пор как они стали сидеть вместе, Лоу Чэн постоянно видел, как тот играет в телефон на уроках.

Окно было приоткрыто. Порыв ветра ворвался в комнату, забираясь под пижаму Дин Сюэжуна.

Тот вздрогнул, словно сухой лист на ветру, и потер предплечья.

Заметив это, Лоу Чэн спросил:

— Холодно? Ты чего так легко оделся?

Шло начало ноября, в городе D уже начало холодать, но центральное отопление в школе обычно включали только после начала зимнего сезона.

Во многих школах еще использовали обычные обогреватели, но в Шестой уже стояла центральная система кондиционирования.

Дин Сюэжунь покачал головой:

— Пижаму постирал, еще не высохла.

— Так накинь куртку, — Лоу Чэн уставился на его выступающие ключицы. Таких белокожих парней он видел впервые. В их классе был один парень подобного типа, но тот выглядел слишком женственно. Сяо Дин же «неженкой» не был. Несмотря на худобу и хрупкость, в нем чувствовалась некая бледная, тонкая интеллигентность — он выглядел как образцовый ученик из списка «трех достоинств».

Честно говоря, даже у школьных медалистов не было такой холодной и гордой ауры. Даже лучший ученик потока не вел себя так заносчиво.

Видя, что Дин Сюэжунь не двигается, Лоу Чэн бросил:

— Надень куртку, а я в душ.

Он бесцеремонно скинул одежду, стянул штаны, оставшись в одних трусах. Его мышцы были рельефными и четко очерченными, плотно облекая натренированное тело.

Лоу Чэн вразвалочку прошел мимо Дин Сюэжуна.

Выйдя на балкон, он случайно задел головой сохнувшие вещи Дин Сюэжуна. Лоу Чэн задернул шторы и вдруг почувствовал приятный аромат мыла — влажный, напоминающий о сезоне дождей. Он поднял голову: сверху висела школьная форма Дин Сюэжуна, его пижама, нижнее белье и носки.

Его осенило: оказывается, этот едва уловимый аромат, исходящий от Сяо Дина — это запах хозяйственного мыла.

Когда Лоу Чэн вышел из душа, он увидел, что Дин Сюэжунь сидит очень ровно, с идеально прямой спиной, и, слегка склонив голову, пишет домашку. На его худое тело была наброшена слегка мешковатая школьная куртка, а на правой руке была черная перчатка без пальцев.

Лоу Чэн, окутанный облаком пара, подошел и заглянул через плечо:

— Что пишешь?

Это был экзаменационный лист.

Увидев формулы, Лоу Чэн решил, что это домашнее задание, и не поверил своим глазам:

— Домашка по математике? Ты с ума сошел?

— Это физика, — рука Дин Сюэжуня ни на секунду не останавливалась. Его телефон был закреплен на селфи-палке и направлен вертикально на стол. Микрофон был выключен, так что зрители в трансляции не могли слышать, о чем они говорят.

Лоу Чэн не заметил телефон и не знал, что тот ведет стрим «учебы отличника». Он искренне решил, что Дин Сюэжунь спятил. Смеясь, он положил руку ему на плечо:

— Пиши-пиши, старайся. Глядишь, наскребешь баллов тридцать за физику.

Дин Сюэжунь повернул голову и, поджав губы, слегка улыбнулся:

— Спасибо за добрые слова.

Он был без очков. Теплый свет настольной лампы падал на его белоснежное лицо, делая контуры мягкими. Ресницы, густые, как вороново крыло, подрагивали, когда он мазнул взглядом темных глаз по Лоу Чэну.

На спине Лоу Чэна висело банное полотенце. Он собирался вытираться, но движение внезапно замерло. Затем он наклонился, почти накрывая со спины костлявую спину Дин Сюэжуня своим телом.

Это движение, почти интимное, похожее на объятие, заставило уши Дин Сюэжуня слегка дернуться. Когда он нервничал, он не только замирал — его уши произвольно двигались.

Лоу Чэн протянул руку вперед. Дин Сюэжунь не понял, что тот задумал, и успел лишь немного отодвинуть телефон, чтобы в кадре остался только рабочий стол.

Дин Сюэжунь не ожидал, что Лоу Чэн схватит его за запястье.

— Что это у тебя с рукой? — Лоу Чэн внезапно заметил на левом запястье Дин Сюэжуня пятно темно-красной, воспаленной плоти.

Цвет был свежим, но рядом виднелись другие, более бледные шрамы. Ему показалось, что эти круглые отметины до боли напоминают следы от окурков.

А те побледневшие шрамы выглядели как зажившие ожоги от сигарет.

Лоу Чэн перевел взгляд на пачку сигарет на столе Дин Сюэжуня, и его осенило — это точно ожоги.

Обычно Дин Сюэжунь носил часы, и эта зона была скрыта ремешком.

— ...Сигаретой прижег?

Дин Сюэжунь промолчал.

— Сам себя прижег? — Взгляд Лоу Чэна изменился, лицо помрачнело. — Дин Сюэжунь, ты что, занимаешься селфхармом? Ты что, мать твою, больной?

— Нет. Случайно обжегся, не лезь не в свое дело, — Дин Сюэжунь попытался вырвать руку, но Лоу Чэн вцепился мертвой хваткой и не отпустил.

— Лоу Чэн, — Дин Сюэжунь нахмурился, глядя ему прямо в глаза. — Отпусти меня.

Лоу Чэн тоже смотрел на него. Из-за близорукости глаза Дин Сюэжуна казались немного расфокусированными, кристально чистыми. В этой дуэли взглядов Лоу Чэн сдался первым и разжал пальцы:

— Черт, ты действительно больной.

— Тебя это не касается, — Дин Сюэжунь одернул рукав куртки. К раздражению добавилась тревога. У него было легкое тревожное расстройство, но никто об этом не знал.

Лоу Чэн холодно фыркнул:

— Да делай что хочешь, мне-то какое дело.

Он с грохотом полез на свою кровать — так, что телефон Дин Сюэжуна чуть не вылетел из крепления.

Дин Сюэжунь не обратил на него внимания. Он застегнул часы, поправил ракурс телефона и написал карандашом на черновике: «Только что заходил комендант».

Написав это, он, не глядя на экран, начал набрасывать решение задачи под объективом передней камеры.

Стримы Дин Сюэжуна смотрели в основном школьники. Некоторые писали: «Видео автора очень успокаивают. Смотрю и сама делаю домашку, получается даже быстрее, чем обычно».

Руки у Дин Сюэжуна были удивительно белыми и красивыми, пальцы — длинными. Голос, когда он говорил тихо, казался очень нежным. Иногда он устраивал «мини-уроки», объясняя методы обучения. Говорили, что слушать его полезнее, чем учителей.

В чате часто мелькало: «У младшего брата такой приятный голос! В школе на уроках только спать хочется, но его лекции сразу же меня бодрят!»

Дин Сюэжунь тихо делал уроки. Лоу Чэн наверху постоянно ворочался и шумел, словно обиженный первоклассник, изливающий недовольство. Дин Сюэжуню пришлось надеть Bluetooth-наушники и решать задачи под сериал «Друзья».

Заглянул комендант, убедился, что все на месте, и ушел.

На душе у Дин Сюэжуна было беспокойно. Приступ тревоги мешал сосредоточиться. Он даже перестал писать промежуточные вычисления и быстро заполнил лист ответами.

Зрители в стриме были в замешательстве: как он получил ответы, даже ничего не посчитав?

Решение задач было для Дин Сюэжуна способом снять стресс. Он написал на листке: «Скоро отключат электричество. На сегодня всё, спокойной ночи».

Почерк у него был каллиграфический, на него приятно было смотреть. Дин Чжаовэнь был учителем китайского и виртуозно писал на доске. Дин Сюэжунь с детства тренировался по прописям и обладал прекрасным почерком.

В старой школе ему всегда поручали оформление стенгазет, он даже выигрывал призы в конкурсах каллиграфии.

Выключив стрим и сняв телефон, Дин Сюэжунь потер виски и заглянул на верхний ярус. Лоу Чэн, кажется, перестал дуться и затих. Дин Сюэжунь снял школьную куртку, повесил ее в шкаф, открыл ящик и нащупал сигарету с зажигалкой. Он направился в туалет.

В общежитии Шестой школы санузлы были крошечными: маленький напольный унитаз и душ — всего пара квадратных метров.

Зато умывальная зона снаружи была просторной: большое зеркало, две раковины, заставленные в основном принадлежностями Дин Сюэжуна.

Дин Сюэжунь любил чистоту. Поскольку он фактически жил в комнате один, туалет убирался ежедневно, мусор выносился вовремя — кругом было очень чисто.

Стоило ему зайти, как в общежитии вырубили свет. Лампы погасли, где-то в коридоре раздался крик, и здание погрузилось в кромешную тьму.

Дин Сюэжунь на ощупь закрыл дверь, подсветил зажигалкой и прикурил.

Лоу Чэн в это время лежал в кровати и гуглил: «Психология селфхарма».

Поисковик выдал кучу картинок, от которых веяло депрессией и тошнотой.

Лоу Чэн почувствовал, что его нежная психика подверглась атаке.

Набравшись терпения, он немного почитал и выяснил, что это признак огромного стресса и одержимости. Описания болезней в сети казались пугающими: люди резали себе руки раз за разом — жуткое зрелище.

На их фоне случай Сяо Дина выглядел совсем легким.

Лоу Чэну стало немного легче.

Он наткнулся на ответ эксперта: «При обнаружении склонности к самоистязанию необходимо немедленно обратиться к врачу».

Всё это оставляло неприятный осадок на душе. Лоу Чэн сам не понимал, что чувствует — то ли гнев, то ли обиду. Это чувство возникло на пустом месте.

В этот момент со стороны балкона донесся запах табака.

— Ну и вонь, — Лоу Чэн сел в кровати.

Зажав нос и помрачнев, он просидел так несколько секунд, а потом резко спрыгнул вниз, бормоча проклятия:

— Черт возьми, ну и псих.

Он зашагал к двери туалета и дернул ручку, но та была заперта изнутри.

Лоу Чэн не смог открыть и начал колотить в дверь:

— Выходи!

Дин Сюэжунь спокойно открыл дверь. С зажатой в пальцах сигаретой и отрешенным

выражением лица он спросил:

— В чем дело?

— Воняет, — Лоу Чэн задержал дыхание и грубо схватил его за руку.

Когда Дин Сюэжунь курил, он никогда не надевал школьную форму, чтобы не оставлять улики. На улице было холодно, его запястье казалось ледяным. Лоу Чэн боялся задеть рану, поэтому обхватил его ладонь своей.

Увидев, что часы на месте, он выдохнул — значит, снова себя не прижег. Но в то же время его захлестнула ярость:

— Больной, реально больной. Ты, по фамилии Дин, мясо от сигарет уже гниет, а ты даже пластырь не наклеил! Еще и часами сверху прикрываешь, ты что, идиот?

— Точно идиот, — заключил он.

Лоу Чэн легко потел. У него были вечно влажные и горячие ладони. Сейчас он крепко держал белую руку Дин Сюэжуна.

Дин Сюэжунь затянулся правой рукой и медленно выдохнул струю дыма прямо в лицо Лоу Чэну.

Во всей школе не было света. После того как шторы задернули, в комнату проникал лишь бледный лунный свет. Оранжевый огонек сигареты слабо и призрачно освещал холодное лицо Дин Сюэжуна с едва заметной усмешкой на губах.

Лоу Чэн смотрел на него сверху вниз, заглядывая в темные глаза, и снова выругался:

— Ты больной.

— Лоу Чэн, — Дин Сюэжунь смотрел на него в ответ. На самом деле он видел лишь расплывчатый, но очень красивый силуэт. Из-за плохого зрения он вглядывался особенно пристально, пытаясь рассмотреть его получше.

Лоу Чэн уставился на него и сердито отозвался:

— Ну? Чего звал?

Он подумал: «Дин Сюэжунь — полуслепой, стоит снять очки — и он как котенок, но какие же у него глубокие, красивые черные глаза. И в глубине глаз словно звезды».

Дин Сюэжунь ночью и Дин Сюэжунь днем казались двумя совершенно разными людьми.

Тонкие струйки дыма из его рта щекотали лицо Лоу Чэна.

Лоу Чэна словно схватили за горло. Он резонно рассудил, что «травится» пассивным курением, поэтому помрачнел и рявкнул:

— Воняет же! Ты что там, дерьмо куришь?! А ну туши!

— Лоу Чэн, — снова позвал его Дин Сюэжунь. Он помедлил, ощущая жар и влагу его ладони в темноте, и спросил охрипшим голосом: — А что это у тебя на руках такое липкое?

—
Примечание автора:

Лоу Чэн: Сяо Дин, Сяо Дин, видал у твоего гэ такой огромный окуроч? Прижгу — мало не покажется!

—
<http://bllate.org/book/17061/1588430>